

Писателю Борису Васильеву исполнилось 75 лет. Известность принесла ему повесть о войне "А зори здесь тихие" и поставленный по ней кинофильм. Затем в этот ряд встали остросоциальные (и тоже экранизированные) повести "Самый последний день", "Не стреляйте в белых лебедей", исторический роман "Были и небыли". Известен писатель и своей публицистикой. Он из тех, кто руководствуется правилом "не могу молчать", когда того требует злоба дня.

Мы беседуем с Борисом Васильевым в его кабинете на втором этаже дома, окруженного лесом, на окраине подмосковного Солнечногорска.

— Борис Львович, вам не кажется странным то, что происходит сегодня в России и в мире? Заканчивается XX век с его трагическими уроками — две мировые войны, кровавый расцвет и стремительный крах фашизма, взлет и падение мирового коммунизма, драма "холодной войны"... И что мы имеем сегодня? Россия, победившая фашизм, терпит собственных доморожденных нацистов. Вновь поднимают голову и гнутся к власти коммунистические реваншисты. В Европе — пылающая Югославия... Мы повторяем одни и те же ошибки. Не можем или не хотим усвоить уроки истории? Или всероссийские беды последнего десятилетия, затянувшееся всенародное унижение — не случайность? Может, это неизбежная кара за грехи, которые мы не желаем признать, честно их искупить?

— Очень многие из нас не понимают и не признают, что большевики и советская власть совершили величайшие преступления перед собственным народом. В течение многих десятилетий советское государство искусственно выращивало новый вид людей. Вместо гомо сапиенса появился гомо советикус — не человек разумный, а человек обучаемый...

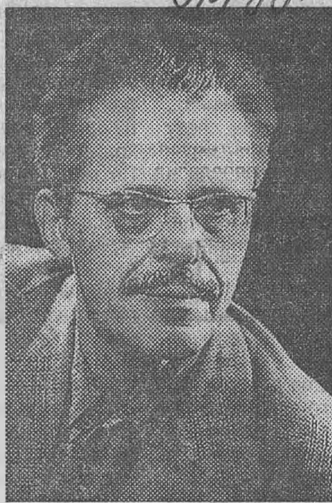
— Запрограммированный, закодированный?

— Называйте как хотите. Важно, что мы, советские люди, разучились размышлять. Отсюда — Анпиловы и его оружие бабушки. Мне их жалко, но я понимаю, что тут ничего не поделаешь: они так обучены... Уродливое социально-нравственное наследство, доставшееся нам от недавнего прошлого, продолжает держать нас за горло. Эта болезнь трудноизлечима, она проявляется в самых разных симптомах. Сегодня, например, коммунистические пережитки очень ясно видны в проявлениях национал-шовинизма по поводу югославских событий. Да, американские "мироворцы" и их союзники по НАТО совершили роковую ошибку и пошли на преступление, которому нет и не может быть оправдания. Да, варварство "цивилизованного сообщества" заслуживает осуждения и протеста. Но швырять яйца и чернильницы в американское посольство, бить стекла и мочиться на ступени парадного подъезда — не меньшее варварство. А если при этом кричать: "Не дадим в обиду братскую Сербию!", то это просто глупо. При чем тут братская Сербия, когда одинаково страдают все народы и народности, населяющие Югославию?

— Да, был эмоциональный переклест на грани уличного хулиганства, согласен. Но можно и понять людей, охваченных праведным гневом. Ведь сербы для нас действительно братья-славяне, православные единоверцы, страдающие в этническом конфликте, и когда страны НАТО выступили на стороне албанцев...

Борис ВАСИЛЬЕВ:

НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ, НЕИСКУПЛЕННЫЕ ГРЕХИ

— Да плевать они хотели на албанцев, как и на сербов!.. Американцы со своими союзниками, по-моему, никого ни от кого не защищают, а хотя бы уничтожить последнее коммунистическое государство в Европе, вырвать из европейской почвы корни агрессивного национализма.

— Цель, оправдывающая агрессию, гибель людей под бомбами?

— Цель-то благая, но средства негодные. Ракеты и бомбы летят в поезда, в мирных жителей, в беженцев, независимо от их национальности... Но я не об этом. Обратите внимание, как сработал в России рефлекс национал-шовинистической солидарности. Наших бьют! Не дадим в обиду братьев по расе и вере! Записывайтесь в добровольцы! Типичная реакция бездумной, но хорошо обученной массы. Вот как основательно воспитали нас большевики. Этот исторический урок так нагляден, что было бы странно его не усвоить.

— Как вы думаете, был ли приход большевиков к власти исторически неизбежным?

— Это были маргиналы, сумевшие захватить власть... Маргинал — это интеллигент, не вписавшийся в контекст истории. Социальное происхождение неважно, там были выходцы из дворян, из разnochинцев, даже из рабочих и крестьян, важно другое: в них преобладали общие, сближавшие и объединявшие их качества — энергичность, напор, целеустремленность... Отличные ораторы, агитаторы, они заряжали толпу своей энергией, гипнотизировали ее и вели за собой. Обманутая масса не догадывалась, что поступает в рабское услужение к этим людям, помогает им стремительно двигаться к цели. А целью было вовсе не народное счастье, а безраздельная власть над этим самым народом.

— Не ложится ли часть вины и на народ — за то, что он ста-

новится жертвой? Не в этом ли состоит главный грех, за который сегодня мы все наказаны?

— Интересная мысль. Но я бы на ней не настаивал. Противостоять коммунистическому насилию было трудно, почти невозможно. Объективная логика исторических событий оказалась для нас немилосердной, жестокой.

— В истории всегда есть логика?

— Железная. Важно ее вове-

рять, чтобы соответствовать ей и, насколько это возможно, влиять на нее. К сожалению, это далеко не всегда получается. Как правило, мы оказываемся сильны задним умом, это наш российский синдром, наш комплекс неполноценности. Отсюда — навязчивое стремление пере-черкивать собственное прошлое, в странном азарте самобичевания высмеивать его, глумиться над ним, обливаться грязью вчерашних вождей...

— Сегодня многие говорят, что после краха коммунизма, который хоть и насильственно, но объединял народ, делал его монолитным, нам нужна новая объединяющая и вдохновляющая национальная идея. Вот уж сколько лет ее ищут и никак не могут найти. Почему?

— Потому что не там ищут. Мы хотим построить новое российское общество? Значит, и всероссийская, общенациональная идея должна быть новой, небывалой. А мы хватаем, что ближе лежит, — "державность", "соборность", "православие"... Все эти важные вещи, но они — не более чем основа народного самосознания и годятся лишь на то, чтобы лечь в фундамент новой общенациональной идеи. Сама же идея — это надстройка, понимаете? Ее надо строить, постепенно и терпеливо наращивать — вместе с новыми принципами нового общества. Пока нет нового общества, и новой общенациональной идее взяться неоткуда. В нашем сегодняшнем состоянии у нас ее вообще не может быть.

— То есть не стоит ее даже искать?

— Ее надо не искать, а обрести. В долгой и терпеливой работе по строительству нового общества. Хороший пример — американцы. У них есть национальная идея, и она очень простая: благоденствие государства при условии благоденствия каждого гражданина.

— Для нас это неприемлемо?

— Пока нет. Потому что у нас нет и никогда не было единого гражданского общества. Российское общество изначально, извечно разорвано на две неравные части — на господ и рабов, на патрициев и плебеев. Этот разрыв у нас в крови, в наших общественных генах. До сих пор мы от него не избавились. Ведь крепостное право, то есть натуральное рабство, у нас отменили всего полтора века назад!

— Но идея всеобщего благоденствия при условии благоденствия каждого человека... Разве она не произрастала уже на российской почве? В прошлом веке. Так называемая теория разумного эгоизма, помните? Если я сделаю себе хорошо, и ты тоже, и он, и она, и они,

то всем нам будет хорошо... — При этом Чернышевский и его единомышленники не учитывали главного: делай себе хорошо, но не за счет другого. У нас это невозможно по причине патрицианско-плебейского разрыва, от которого не так-то легко избавиться. А большевики полагали, что это проще простого, и бросили в толпу рабов лозунги: "Рабы — не мы!", "Грабь награбленное!" "Кто был ничем, тот станет всем!"

Просто поменяли местами рабов и господ. И вышел конфуз: кто был ничем, тот так и остался ничем даже при своей диктатуре. По-прежнему российское общество состоит из патрициев и плебеев...

— Беззаконие, холопство, патрицианско-плебейский разрыв и тому подобное — если это у нас действительно в крови, в генах, то выходит, что мы обречены? Нам не на что опереться?

— Нам есть на что опереться.

Надо лишь постараться вернуть отнятое большевиками, заново выстроить то, что они разрушили. И прежде всего национальную культуру, которая всегда состояла из двух частей: дворянско-городской и крестьянско-христианской. Эти части сосуществовали по принципу единства и борьбы противоположностей, играли роль сдерживающих сил. На основе первой мы имели прочную связь с Европой, с мировой цивилизацией. Вторая обеспечивала духовную и нравственную опору. Большевики беспощадно, с одинаковой жестокостью ударили и по первой, и по второй. Они истребили дворянство и старую интеллигенцию, уничтожили церковь, отняли у крестьянина землю. Отсутствие собственности — основа безнравственности. В городе восторжествовал обыватель, в деревне — люмпен. Новые хозяева России получили то, что хотели, — гигантскую безнравственную люмпенизированную массу. Бери ее голыми руками и делай с ней, что хочешь!

— Если нам удастся возродить национальную культуру в единстве и противоположности ее двух составляющих, то при этом возродится и общенациональная идея?

— Это будет начало ее создания, обретения. Мы всего лишь вернемся к той исторической развилке, где когда-то выбрали неправильную дорогу, пошли по ней и заблудились. Вместо того чтобы спокойно, терпеливо строить буржуазно-демократическое общество, ринулись городить нечто небывалое и невообразимое. И нагородили... Мы упустили верный шанс обрести наконец единое гражданское общество, в котором две части национальной культуры слились бы в плодотворное единство, а патриции и плебеи превратились в равноправных членов единого, сильного государства. Такое слияние возможно только в буржуазно-демократическом миксе, другого способа нет. Пожалуй, это главный исторический урок, который нам следовало бы усвоить.

Беседу вел Игорь ЛИТВИНЕНКО.